

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 101.1

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОРИЯ В ПОИСКАХ РЕЛЕВАНТНОЙ МОДЕЛИ КОНЦЕПТОТВОРЧЕСТВА

О.А. Верещагин

Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского», г. Арзамас

Представлена проблематика современного философского концептотворчества. Как полагает автор, постметафизический философский дискурс обращен своей критически-рефлексивной стороной в направлении истоков и оснований теоретического мышления. Это в свою очередь обусловливает значимость масштабной реконструкции генеалогии и истории философской мысли в ее узловых сюжетных линиях и ключевых содержательных компонентах. Философское знание, по мнению автора, нуждается в перманентном переосмыслении и переописании (редискрипции) собственных интеллектуальных продуктов, в развертывании новых метафор и оригинальных интерпретаций, в экспансии инновационной лингвокультуры, размыкающей прежние семантические рамки философского дискурса. Используемый в работе опыт неклассических философов и социологов в области метатеоретического анализа позволил автору проследить динамику философского концептотворчества в сфере «пересборки» и редискрипции категорий традиционной социальной теории.

Ключевые слов: *гранднарратив, концепт, лингвокультура, онтология, постметафизика, редискрипция, социальная онтология, социальная монадология, субстанциалистский редукционизм.*

Основополагающие интенции современного философствования призваны координировать совместные усилия интеллектуалов в сфере глубокой аналитики оснований теоретического мышления и концептотворчества. Закат монологической эры в средствах и способах теоретизирования, связанный с самоисчерпанием модернистского «гранднарратива», его последовательным схоластическим перерождением и самоопустошением в бесплодных дискуссиях и обсуждениях «поздней современности», актуализировал перспективы альтернативных интеллектуальных практик по переописанию традиционного философского словаря. Феномен, названный Р. Рорти «культурой редискрипции» [20, р. 28], оказывается коррелятивен событиям современной интеллектуальной жизни, отмеченной острой конкурентной борьбой «интерпретативных схем» и когнитивных метафор.

Необходимо отметить, что процесс концептотворчества оказывается двухсторонним и в каком-то смысле реверсивным. С одной стороны, мы наблюдаем очевидное стремление к философской инноватике, к производству новых «метафор» и концептуальных моделей. С другой стороны, происходит

реактуализация прежних когнитивных гештальтов, реартикуляция маргинальных смыслов и утерянных значений. Выглядит это все как циклический процесс самовоспроизводства и самостириания современной концептосферы с одновременной фиксацией концепта в качестве конституирующего элемента культуры [12]. В историческом развертывании новых метафор, оригинальных интерпретаций и толкований, в экспансии инновационной лингвокультуры, разрывающей прежние семантические рамки и границы, прослеживаются основные импульсы развития современной духовной сферы.

В этой связи чрезвычайно важно понять, действительный или мнимый характер носят наблюдаемые изменения в практиках философского творчества, какова их методологическая роль в формировании особого когнитивного стиля, которым отмечены релевантные философские построения. Речь, в сущности, идет о возможностях метатеоретизирования вне общезначимых стандартов философского творчества, понимаемого либо как своевольный рефлексивный акт, либо как возврат философского мышления к своим дотеоретическим инновационным формам.

Именно в таком антифундаменталистском ключе необходимо рассматривать рортианскую и близкую ей по духу философскую оптику, позиционирующую себя в очевидном только для нее постметафизическом статусе. В отсутствии единого контекста понимания и универсального режима чтения нет и не может быть единого текста культуры, есть лишь «тексты и куски» [8], поэтому, по мнению Рорти, «не существует такого синоптического взгляда на культуру, который был бы чем-то больше, чем нарративом о том, как различным культурам удалось дойти до того пункта, где они находятся сейчас» [8].

Рортианство (и это стало общим местом в критической рефлексии его мировоззренческих и ментальных предпосылок) представляет собой радикальную версию философского ревизионизма и лингвистического изоляционизма в отношении рецидивов метафизического способа представления человеческой реальности в категориях онтотеологии и субстанциалистского редукционизма.

В этом значении рортианство призвано было «досекуляризировать» западную философскую культуру, которая оказалась неспособной полностью реализоваться в направлении десакрализации своих собственных истоков и оснований. Рорти и близкие ему по духу «лингвоцентрики» полагают, что важнейшие семантические фигуры традиционной метафизики, такие, как Абсолютная Истина, Бог, Природа, Разум, по-прежнему оказываются вовлеченными в круг обсуждаемых тем, формируя специфическую среду проблематизации и замещая основное содержательное пространство западной философской мысли.

Парадоксально, но сциентистский пафос просветительской мысли во многом был лишь завуалированной формой квазирелигиозного сознания, в той же самой мере как атеистический миф способствовал реактуализации архаики и ритуальности мифо-религиозного поведения. Как отмечает И. Джохадзе, «представление о сверхъестественном Боге заменяется представлением о квазибожественном “разуме”, место священнослужителя занимает ученый» [3, с. 9], и в этой игре смысловых метафор и языковых субстанций неизменной остается идея «трансцендентального означаемого», единственно обладающего необходимой референциальной глубиной, являясь подлинным источником любой научной или эстетической репрезентации. Онтологическая фило-

софская традиция, по мнению Рорти, воспроизводит религиозно-сциентистские установки дуальной организации мира, что в свою очередь предопределяет «искусственный раскол “жизненного мира” человека на две полярные формы» [3, с. 9] с последующей экспликацией этого разрыва в различных онто-гносеологических построениях.

Преодоление этих дистинкций-противопоставлений, как полагает Рорти, невозможно без элиминации самого метафизического словаря, который локализует научную дискуссию в границах «платоновского жаргона». По сути, речь может идти о возможностях дезавуирования собственной (авторской) логики представления и репрезентации, которая всегда исторична и укоренена в определенной традиции текстопорождения и речеговорения и в этом смысле обусловлена негласными конвенциями и режимами производства смысла в рамках господствующей лингвокультуры. В указанной перспективе рортианский проект теоретической реконструкции истории философии тоже «лишь проекция установок и принятой историографии» [13, с. 146], сама же историографическая летопись американского мыслителя представляет собой акт «саморефлексии историка о себе, о времени, в которое он живет, о важном или неважном... и строится через призму субъективных пристрастий» [13, с. 146].

Рортианство, как полагает Э. Лаклау [4], предлагает своеобразный путь развития философской аргументации, которая строится «не благодаря внутренней деконструкции тезиса, представленного в определенном словаре, а скорее благодаря введению соперничающего словаря» [4, с. 101].

Речь может идти об институциональных последствиях изменения формата философского дискурса, когда существенным образом оказываются перерформированы интенции авторской работы: «философ все более ориентирован не на работу с понятиями, а на творчество авторских концептов, смысловых метафор и языковых метонимий» [9, с. 112].

Как мы полагаем, это одно из наиболее спорных и противоречивых утверждений Рорти относительно перспектив и возможностей радикальной перестройки сознания и мышления, замены одного когнитивного стиля другим, безболезненного перехода из одного дискурсивного пространства в другое. Сама позиция метатеоретизирования, а Рорти, как принято сегодня считать в философском сообществе, является «философом метаментальности», «интересующимся современным состоянием философии, ее пружинами и импульсами, векторами развития, меняющейся когнитивной и лингвистической культурой» [14, с. 4], вызывает множество вопросов, относящихся к областям критической рефлексии оснований философской инноватики и философского творчества.

Как происходит в философской и иной интеллектуальной деятельности процесс самоисчерпания ее языковых компонентов, каким образом самоопустошаются и выхолащиваются ее лингвистические средства и инструменты, в какой степени автор свободен в своем философском творчестве от всеохватной панъязыковой стихии и чем детерминирована сама лингвистическая деятельность философов второго порядка или «метафилософов»? Сложно представить себе позицию вневходимости и нейтральности автора, который с легкостью мог бы переписать и деконструировать свой собственный метаязык описания, взломав существующие дискурсивные правила и максимально дистанцировавшись от предыдущих практик смыслопроизводства и текстообра-

зования. Абсолютизация свободы философского творчества, как нам представляется, может привести лишь к нонсенсу и парадоксу, к интеллектуальной изоляции и к последующей маргинализации самих философских идей. Пролиферативность философского знания тем не менее не отменяет существования совершенно определенных академических правил, которые действуют «по умолчанию» и предполагают в том числе вполне осязаемые режимы производства самого этого знания.

Предполагая и допуская, что философия – вид дискурса или жанр литературы, мы все-таки должны принять максимум о существовании неписаных правил дискурса, вне которых собственно философское знание размывается и обесценивается. Это понимает и сам Рорти, указывая на существующие выходы из проблематических ситуаций в лингвистическом поведении либо «посредством включения новых объектов в круг явлений, описываемых в словаре», либо посредством «переописания знакомых вещей в незнакомых, новоизобретенных терминах» [3, с. 46]. Причем встает вопрос о семантических границах словарей, их смысловой проницаемости и содержательной комплементарности.

Очевидно, что в действительности мы наблюдаем некий циклический процесс артикуляции и реартикуляции прежних смыслов и значений, которые обретают новую жизнь в подвижном смысловом контексте. Контекст культурной жизни, который внешне подвижен, а в действительности квазиподвижен, определяет набор ангажированных категорий, циркулирующих в пространстве публичного обсуждения и задающих вектор изменений социально-гуманитарной мысли.

Чрезвычайно показательным в этом смысле является процесс деархивации концептуального словаря политической теории, инициированный итальянским философом и семиологом П. Вирно [1] в рамках скрупулезного анализа динамики современных форм общественной организации. Корректнее было бы назвать теоретические построения Вирно новой версией реактуализации известного концепта «множества», являющегося также ключевым дискурсивным инструментом социально-политической теории М. Хардта и А. Негри [11].

Напомним, что Хардт и Негри в серии совместных публикаций реконструируют логику развития нынешнего глобального миропорядка в терминах перехода от эпохи Империи к эпохе Множества. Империя Хардта и Негри приходит на смену строго иерархичному и жестко централизованному миру Модернити, цивилизационному порядку, конституированному серией взаимно релевантных и комплементарных категорий государственного суверенитета, национализма, классового антагонизма и представительной демократии. Кризис вышеперечисленных устоев модернизма, спровоцированный или глобализацией, или сам являющийся ее продуктом, создает условия появления новой глобальной формы суверенитета – Империи. Представленный Хардтом и Негри мыслеобраз транснациональной и мультикультурной Империи, которая «не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы и преграды» [10, с. 12], может существовать лишь в границах постмодернистского социокультурного ландшафта «мира без границ». Собственно говоря, это и есть постмодернистский «децентрированный и дитерриториализованный, т. е. лишенный центра и привязки к определенной

территории» [10, с. 12], механизм осуществления власти и суверенитета глобальной безместной Империи.

Метафорический образ, эксплуатируемый Хардтом и Негри, специфически раскрывается серией коннотативных значений, которые артикулируют одновременно как линию разрыва, так и след преемственности в представлении имперскости, суверенного господства и традиционного империализма.

Появление Империи, управляющей «смешанными, гибридными идентичностями, гибкими иерархиями и множественными обменов посредством модулирования командных сетей» [10, с.12], позволяет говорить авторам о радикальной смене форм общественной организации на новом этапе социальной эволюции. Как уже отмечалось, речь идет о «новом старом» коллективном субъекте – «множестве», о формах и способах его социальной активности в текущих социально-экономических и политических процессах. По мнению Вирно, категория «множество» изначально присутствовала в новоевропейском политическом дискурсе в качестве альтернативы концепту «народ», который впоследствии стал базовым понятием в сонме теоретических реконструкций просветительской политической философии. «Эти два состязающихся между собой понятия, выкованные в огне сильнейших противоборств, – пишет Вирно, – играют первостепенную роль в определении социально-политических категорий Нового времени» [1, с. 10], другими словами, они формируют тот порядок дискурса, который обеспечивает власти право эксклюзивного представления реальности.

Понятие «народ», нашедшее свое содержательное наполнение в модели гоббсовской автократии, обнаружило большой репрезентационный потенциал, поскольку апеллировало к «единству политического тела, предикатом которого становится форма централизованного государства» [6, с. 172]. Будучи интегральным концептом новоевропейской политической традиции, нация-государство в глазах вне- и антисистемных теоретиков превращается в некое монструозное образование, в котором народ «прямо зависит от Государства... являясь его отражением, его отголоском» [1, с. 13], с одной стороны, и политико-метафизическим референтом, обеспечивающим его легитимную основу, с другой стороны. Не случайно поэтому, что консерваторы и традиционалисты в своих государствоведческих и политико-правовых опусах, как правило, воссоздают идею нации-государства в качестве примордиальной организмической общности сограждан (соотечественников), провиденциально и экзистенциально сопряженных единством психоментальных характеристик и атрибутов. В этом значении, выражаясь словами Хардта и Негри, «всякая суверенная власть непрерывно формирует политический организм» [11, с. 130], а тот в свою очередь подчиняется логике монокефального администрирования и руководства.

Разрушение этой логики связано с изменением структуры и характера социальных связей в глобальном обществе постмодерна, когда возрастает значение альтернативных и несистемных элементов общественной жизни, которые и обозначаются многозначным термином «множество». Периодически вытесняемый на периферию социального бытия концепт вновь обретает свое значение в «моменты кризисов, которые время от времени сотрясают суверенность государства» [1, с. 14].

Множество имманентно естественному порядку общественной жизни и противопоставлено средствам и способам политической организации общества

в рамках политического организма, т. е. предшествует «установлению “политического тела”» [1, с. 14]. На примере исходного понятия «Multitude», реферирующего ряд определений специфических групп политических субъектов, неоднородных сингулярностей, действующих вне традиционной логики национальных государств, легко обнаруживается устойчивая тенденция в западной политической и философской культуре по детрансцендентализации как самой этнонациональной идеи государства, так и ее системообразующих элементов.

Комплексная онтологическая интерпретация «Multitude» [19] в качестве целостности сингулярностей, «плюральности, не поддающейся упрощению» [11, с. 135], классового концепта и инструмента в цепи управленческих решений, предсказуемо оборачивается далеко идущими последствиями для развития современной социальной теории. Множество, это «революционное чудовище» [5], оспаривающее моноцентризм практик государственного управления, будучи «всплеском “естественного состояния” в гражданском обществе» [1, с. 25], фактом своего реального существования, прокладывает дорогу в изменении восприятия грамматики форм общественной жизни. Переописание социально-грамматических норм и правил влечет за собой изменение всего корпуса знаний о существе социального порядка.

Принято говорить об альтернативных социальных онтологиях, предлагающих новый ракурс в интерпретации совокупной динамики общественных отношений. Необходимо прежде всего упомянуть о набирающей популярность концепции ассамбляжей Мануэля Деланда [18], в которой, с одной стороны, реабилитируется реалистическая теория социального в рамках создания единой онтологической модели «assemblages», а с другой стороны, последовательно критикуются методологические ограничения, накладываемые социально-организмической моделью теоретизирования. Ассамбляжи, рассматриваемые Деландом как все реальные объекты окружающего мира (города, человеческие общности, артефакты, ландшафтная среда и т. д.), в отличие от организмов фундированы отношениями экстерности, что предполагает «автономию частей по отношению к целому, так что компонент ассамбляжа может быть изъят из отношений и перемещен в другой ассамбляж, включен в другие отношения» [15, с. 247]. Деланд предлагает специфический социально-монадологический проект, в котором социальная реальность изначально многоуровневая и полиструктурна. Как отмечает Грэм Харман, представленная Деландом онтологическая модель «допускает бесконечное число уровней и, возможно, бесконечный регресс или бесконечный прогресс разномасштабных ассамбляжей» [16, с. 10].

Максимально динамичный образ социальной реальности, когда «общество как в теории, так и на практике существует как бы на бреющем полете» [17, с. 175], во всем многообразии возможных форм и сочетаний воспроизводится Б. Латуром, поставившим амбициозную цель «пересборки социального» [7] на базе заранее переформулируемых автором методологических принципов и критериев.

Латур проводит деконтекстуализацию понятия «социального» как некой привилегированной области «социо-Х», задающей особое социальное измерение для иных «несоциальных» видов деятельности. Называя свою социологию «социологией ассоциаций» или «ассоциологией», Латур сознательно дистанцируется от прежней «тавтологической» и «эгологической» традиции

«социологии социального», в которой, выражаясь словами автора, «постулируется существование особого вида явлений, называемого по-разному: “обществом”, “социальным порядком”, “социальной практикой”, “социальным измерением” или “социальной структурой”» [7, с. 13]. Эти и аналогичные им социальные агрегаты, по мнению Латура, не есть данность в статусе социального априори, напротив, это нечто, что создается многообразными связями и отношениями несоциальной природы. «Социальное, – пишет Латур, – это не клей, способный соединять что угодно, включая и то, что не под силу другим видам клея; это как раз то, что склеивается воедино множеством других типов соединителей» [7, с. 16]. Как отметил сам автор, мы наблюдаем «постоянно сужающееся значение социального» [7, с. 17] в замкнутом смысловом горизонте традиционной социологии и одновременно расширяющееся пространство возможностей аналитической работы в современных междисциплинарных (трандисциплинарных) исследованиях.

В любом из представленных сюжетов из истории философской, социальной и иной мысли мы встречаемся с ситуацией, когда «нам приходится перетряхивать свои представления о том, что было связано воедино, потому что прежнее определение стало до некоторой степени бесполезным» [7, с. 17]. Эта и подобная ей «когнитивные перетряски» провоцируют иногда частичный, а подчас и всеобщий пересмотр языковых, категориальных и дискурсивных инструментов в практике исследовательской работы.

Другими словами, искусство «формировать, изобретать, изготавливать концепты» [2, с. 7] по-прежнему остается необходимым элементом интеллектуальной деятельности, смыслом философского творчества, ориентированного на свободное конструирование понятий и категорий. Оставляя в стороне вопрос о референциальной глубине рассмотренных нами категорий, а также их репрезентационном потенциале в прогностических и иных научных построениях, необходимо отметить изначально новаторский посыл редискрипции существующих способов представления реальности. Собственно говоря, имманентное переописание и переквалификация используемых понятийных средств, является неотъемлемой частью методологической культуры философа, социального теоретика, пытающегося адекватно выразить силовое многообразие и подвижность жизни, нюансы и специфику уникальных событий культурной жизни человечества.

В указанной связи прогресс тех или иных форм социально-философского творчества оценивается не по традиционным шкалам корреспондирования и объективности и истинности, а лишь через аналитику нашего персонального вклада в развитие самой традиции научной коммуникации и научного творчества. Переориентация с «истины» на «разговор» совсем в духе рортианской философской критики может не только создать основу для «изменения самообраза философии и утверждения в жизни новой философской идеологии» [13, с. 136], но и в целом будет способствовать росту профессиональной солидарности и снятию непримиримых конфликтов в пространстве публичного обсуждения.

Список литературы

1. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия ? / пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
3. Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
4. Лаклау Э. Сообщество и его парадоксы: «либеральная утопия» Ричарда Рорти // Логос. 2004. 6 (24) . С. 110–115.
5. Пензин А. «Революционное чудовище: понятие множества в философии Антонио Негри» // Синий диван. 2004. №5. С. 36–61.
6. Пензин А. Паоло Вирно: «Грамматика множеств» как антропология капитала // Синий диван. 2006. № 8. С.171–183.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию /пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
8. Рорти Р. Тексты и куски // Логос. 1996. №8. С. 173-189 .
9. Семенков В. Философия как литература: об институциональных последствиях изменения формата философского дискурса // Res Cogitans. 2010. № 7. С. 111–117.
10. Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.
11. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
12. Филатова А.А. Концепт как конституирующий элемент культуры : когнитивный подход : дисс. ... канд. философ. наук: 24.00.01, 09.00.01. Ростов/н/Д., 2007. 179 с.
13. Юлина Н.С. Ричард Рорти: разговор «через эпохи», «в эпохе» и историография философии // История философии. М.: ИФ РАН, 1997. Вып. 1. С. 136–162.
14. Юлина Н.С. Постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти. Долгопрудный: Вестком, 1998. 100 с.
15. Майрова К.С. Ассамбляжи на плоскости: минимализм в социальной теории (Manuel DeLanda. A new philosophy of society) // Логос. 2017. Т.27, № 1(116). С. 245–250.
16. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27, № 3. С. 1–34.
17. Красавин И. Гетерархия множества //Логос. 2017.Т . 27, №3. С. 173–198.
18. DeLanda M. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. L.: Continuum, 2006. 142 p.
19. Negri A. Approximations towards an ontological definition of the multitude. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.generation-online.org/t/approximations.htm>

20. Rorty R. Contingency, Irony and Solidarity. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 224 p.

SOCIO-PHILOSOPHICAL THEORY IN SEARCH OF A RELEVANT CONCEPTUAL MODEL

O.A. Vereshchagin

Nizhny Novgorod State University (Arzamas chapter), Arzamas

The article examines the problems of contemporary philosophical concept formation. Post-metaphysical philosophical discourse, the author believes, should be understood as focused in a critical-reflective way on the origins and foundations of theoretical thinking. This, in turn, determines the importance of large-scale reconstruction of the philosophical thought genealogy and history in its key plotlines and content components. Philosophical knowledge, in the author's opinion, needs a permanent rethinking and redescription of its own intellectual products, the deployment of new metaphors and original interpretations, the expansion of innovative linguistic-culture opening the former semantic framework of philosophical discourse. The experience of non-classical philosophers and sociologists in the field of meta-theoretic analysis accepted in the article's format allowed the author to trace the dynamics of philosophical conceptualization in the sphere of «re-assembling» and redescription of traditional social theory categories.

Keywords: *grand narrative, concept, linguistic culture, onto-theology, post-metaphysics, redescription, social ontology, social monadology, substance reductionism.*

Об авторе

ВЕРЕЩАГИН Олег Александрович – кандидат философских наук, доцент ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (Арзамасский филиал), г. Арзамас. E-mail: helgardt@mail.ru

Author information

VERESHCHAGIN Oleg Alexandrovich – PhD, Assoc. Prof. of the Dept. of Law, Philosophy and Social disciplines, Nizhny Novgorod State University (Arzamas chapter), Arzamas. E-mail: helgardt@mail.ru